

Р.Штайнер

Пятое Евангелие. Из Акаша-Исследования.

ПСС №148, Лекция от 2 октября 1913г., Христиания (Осло)

Эти рассмотрения надлежит начать с, так называемого, события Пятидесятницы. В первой лекции я уже указал, что взор ясновидческого исследования, по крайней мере, сначала, может быть привлечен этим событием. Потому что это событие направленному обратно взгляду является как бы своего рода пробуждением, которое в определенный день, о котором как раз должен напоминать праздник Пятидесятницы, почувствовали те лица, которых обыкновенно называют апостолами, или учениками Христа Иисуса. Нелегко вызвать точное представление обо всех этих без сомнения странных явлениях и нам придется вспомнить многое, что из наших прежних антропософских рассмотрений отложилось, так сказать, в подосновах нашей души, если мы хотим связать точные представления со всем, что как раз надлежит высказать в связи с этой темой нашего цикла лекций.

Как бы пробудившимися чувствовали себя апостолы, людьми, которые в этот миг ощутили, что в течение долгого времени, на протяжении нескольких дней, они жили в ином, непривычном им состоянии сознания. Это было действительно нечто, как своего рода пробуждение из глубокого сна, правда, удивительного, исполненного сновидениями сна, но из сна, который является таким — я всё время говорю о том виде, как это явилось сознанию апостолов, — из сна такого рода, когда попутно исполняешь все внешние повседневные дела, кажешься более или менее здоровым человеком, так что и другие люди, с которыми встречаешься, не замечают по тебе, что ты находишься в ином состоянии сознания. И все же наступил момент, когда это предстало апостолам так, как если бы они какое-то, тянущееся долгие дни время прожили словно во сне, из которого теперь, при наступлении события Пятидесятницы, они пробудились. И это пробуждение — уже и его они чувствовали очень своеобразным образом: они действительно чувствовали, как если бы из Вселенной на них снизошло нечто, что можно было бы именовать только субстанцией всюду вершащей любви. Как бы оплодотворенными с высот всюду вершащей любовью и пробужденными из описанного сновидческого жизненного состояния — так чувствовали себя апостолы. Как если бы они были пробуждены всем тем, что как изначальная сила любви пронизывает и прогревает Вселенную; как если бы эта изначальная сила любви погрузилась в душу каждого отдельного — так чувствовали себя они. Другим же людям, которые могли наблюдать их и слышать, как они теперь говорили, они казались странными, непривычными. Эти другие люди знали, что апостолы были людьми, которые до сих пор жили исключительно просто, правда, в последнее время некоторые из них вели себя довольно странно, пребывая словно во сне. Об этом известно. Теперь же они являлись перед ними словно преображенными, словно они действительно достигли совершенно новой внутренней конфигурации и душевной настроенности; как люди, потерявшие всю узость жизни, весь эгоизм жизни, получившие бесконечную широту сердца, всеобъемлющую терпимость, глубокое сердечное понимание всего

человеческого на Земле. Они могли выражаться так, что всякий присутствующий понимал их. Чувствовалось, что они могли провидеть всякое сердце и душу и из внутренней глубины отгадать душевные тайны, умея утешить всякого, сказать то, в чем он как раз нуждался.

Было, конечно, удивительно, что с некоторым количеством людей могло совершиться такое преображение. Сами же люди, пережившие такое преображение, пробужденные Космическим духом любви, эти люди чувствовали теперь в самих себе новое понимание, чувствовали понимание того, что, правда, и разыгралось в тесном сообществе с их душами, но чего до сих пор они не постигали: теперь, в это мгновение, перед их душевным оком открылось понимание того, что, собственно, совершилось на Голгофе. И вглядываясь в душу одного из этих апостолов, тот, который в других Евангелиях обычно именуется Петром, его душевно-внутреннее является направленному обратно ясновидческому взору так, что в этот момент его нормальное земное сознание видишь как бы совершенно оборванным, оборванным, начиная с того мгновения, которое в других Евангелиях обозначается как отречение. Он как бы смотрел на эту сцену отречения, когда его спросили о том, «имеет ли он отношение к Галилеянину», и теперь он знал, что он отрекся тогда от этого, потому что его сознание начало затемняться, начало распространяться аномальное состояние, своего рода сновидческое состояние, которое означало его восхищенность, оттянутость в совсем иной мир. Для него на этом празднике Пятидесятницы это было так, как бывает с человеком, когда утром при пробуждении он вспоминает последние события, происходившие накануне вечером перед засыпанием; так вспоминал Петр то, что обычно называют отречением, троекратным отречением до второго крика петуха. Затем — как опускается ночь — на сознание Петра опустилось промежуточное состояние. Но оно заполнилось не простыми сновидениями, а облико-образами, представлявшими некоторого рода высшее состояние сознания, представлявшими сопереживание чисто духовных свершений. И всё, что случилось, что Петр словно проспал с того времени, это выступило перед его душой как бы из ясновидческого сновидения. Прежде всего, он научился теперь созерцать событие, о котором действительно можно сказать, что он его проспал, потому что для полного понимания этого события было необходимо оплодотворение всевершающей Космической любовью. Теперь образы Мистерии Голгофы выступили перед его глазами так, как мы можем вызвать их перед нами, оглядываясь обратно в ясновидческом сознании и создав для этого необходимые условия.

Надо признаться, с исключительным в своем роде чувством решаешься запечатлеть в словах то, что открывается взгляду, проникающему в сознание Петра и других, собравшихся на этом празднике Пятидесятницы. Лишь с некоторым священным трепетом можешь решиться говорить об этих вещах. Чувствуешь себя, хотелось бы сказать, подавленным при сознании, что вступаешь на самую святую почву человеческого переживания, когда выражаешь словами то, что открывается здесь душевному взору. И, тем не менее, определенные условия нашего времени указывают на необходимость говорить об этих вещах, — конечно, с полным

сознанием того, что придут иные времена, чем наши, когда этим вещам будут нести навстречу больше понимания того, что следует высказать через Пятое Евангелие, чем могут нести им навстречу теперь; потому что, чтобы понять многое из того, что в данном случае должно быть высказано, душа человека должна освободиться еще от многого, что по совершенной необходимости культуры нашего времени должно еще заполнять эту душу.

Перед ясновидческий взглядом предстает сначала нечто, если облечь это в слова, что имеет вид своего рода оскорбления современному естественнонаучному сознанию. Тем не менее, я чувствую себя вынужденным запечатлеть, поскольку это возможно в словах, только то, что предстает душевному взору. Я ничего не могу поделаться, если то, что должно быть здесь сказано, распространится и найдет путь к мало подготовленным сердцам и душам, обернется в нечто, что по отношению к научным воззрениям, которые как-никак все же господствуют над современностью, не выдерживает критики. Ясновидческий взор останавливается сначала на картине, представляющей реальность и на которую указано и в других Евангелиях, но которая представляет собой совсем особое зрелище, когда ее видишь как бы выступающей из изобилия образов, которые встречает направленный обратно ясновидческий взгляд. Этот ясновидческий взгляд действительно падает сначала на своего рода мрак, охвативший Землю. Словно в отзвуке ощущения переживаешь значительное мгновение, когда над землей Палестины, над местом Голгофы в течение нескольких часов как при сильном солнечном затмении было затемнено физическое Солнце. Замечаешь (духовнонаучно обученным восприятием это возможно проверить и теперь, когда область Земли действительно подвержена внешнему физическому более или менее сильному солнечному затмению), что душевному взору все окружение человека является тогда совсем иным. Я не хочу касаться зрелища, которое предстает при солнечном затмении, касаться всех тех вещей, которые созданы искусностью и техникой человека. Необходимо обладать довольно сильным духом и проникнуться сознанием, что все это должно было возникнуть, чтобы вынести то демоническое зрелище, которое открывают взору те существа, которые поднимаются из внешней, лишенной искусства техники во время такого солнечного затмения. Я не хочу вдаваться в это описание, но лишь указать на то, что в такое время в полном свете появляется то, что вообще достижимо только путем очень трудных медитаций. Все растительное и животное видишь тогда иначе, каждая бабочка, каждая птица выглядят тогда иначе. Это нечто, что в глубочайшем смысле может убедить как тесно связана в Космосе духовная жизнь, принадлежащая Солнцу и имеющая в видимом Солнце как бы свое физическое тело, с жизнью на Земле. И когда физическое свечение затемняется силой вступающей Луны, — это иное, чем когда Солнце просто не светит ночью. Совсем иной облик имеет окружающая нас область Земли во время солнечного затмения, чем простой ночью. Во время солнечного затмения чувствуешь подымание групповых душ растений, групповых душ животных. Чувствуешь это как потускнение всей физической телесности растений и животных и как прояснение всего того, что представляет собой групповую душевность, прояснение всего, что духовно.

В высокой степени предстает всё это направленному обратно ясновидческому взору, когда он покоится на том мгновении эволюции Земли, который мы обозначаем как Мистерия Голгофы. И тогда выступает нечто, по отношению к чему можно сказать: научаешься читать, что, собственно, обозначает этот примечательный знак природы, который созерцаешь в Космосе обращенным к прошлому ясновидческим взором! Я действительно ничего не могу поделать, если я принужден — к противоречию всему материалистическому сознанию современности — чисто природное событие, которое естественно происходило и раньше и позже, как раз в этом пункте эволюции Земли читать в оккультном письме так, как оно непосредственно открывается впечатлению. Как если бы открыв книгу, читал изложенное в ней, так чувствуешь себя и перед этим событием; словно из писем выступает то, что надо прочесть. И из этих знаков писем Космоса выступает навстречу непреложность: надо нечто прочесть, с чем надлежит познакомиться человечеству. Это предстает как вписанное в Космос слово, как звучащий в Космосе знак.

Что же читаешь тогда, открывая этому свою душу? Вчера я обратил ваше внимание на то, что в греческой эпохе человечество достигло такого развития, что в Платоне и Аристотеле оно поднялось к высокой проработанности человеческой души и интеллекта. Во многих отношениях знание, достигнутое Платоном и Аристотелем, не смогло быть превзойдено в дальнейшем времени, потому что в них в определенном отношении человеческий интеллект достиг высочайшего. Многое можно познать, если это действительно познают. И когда ясновидящая душа наблюдает время событий в Палестине, то видит, как это интеллектуальное знание, к которому в своем развитии поднялось человечество и которое на греческом и италийском полуостровах как раз в период Мистерии Голгофы благодаря странствующим проповедникам стало необычайно популярным, когда примешь его во внимание, а также и непонятную для нашей современности уже тогдашнюю его распространенность, тогда созерцающая ясновидящая душа получает возможность восприятия, которое выражается как чтение этих оккультных, проявленных в Космосе писем. И тогда, подготовив так ясновидческое сознание, говоришь себе: то, что человечество накопило здесь как знание, к чему оно поднялось в дохристианские времена, — знаком всего этого является Луна, с земной точки зрения странствующая во Вселенной; Луна именно потому Луна, что по отношению ко всему высшему познанию человечества это знание не является открывающим, как бы разрешающим загадку, но для высшего познания оно как бы затемняющее, — как Луна затемняет Солнце при солнечном затмении. Это читаешь, когда разбираешь тайный знак Солнца, затемненного Луной.

Итак, все тогдашнее знание выступало не поясняющим, а затемняющим загадку мира. Чувствуешь, как ясновидящий, затемнение высших, собственно спиритуальных областей мира знанием древнего времени, которое перед истинным познанием встало как Луна перед Солнцем во время солнечного затмения. И внешнее природное событие является выражением того, что человечество достигло той ступени, когда черпаемое из самого человечества знание заслонило высшее

познание, как Луна — Солнце при солнечном затмении. В солнечном затмении в момент Мистерии Голгофы чувствуешь запечатленным в Космосе грандиозным знаком оккультного письма людское помрачение душ в пределах земной эволюции. Я сказал, что сознание современности может это ощутить как оскорбление, потому что оно не имеет больше никакого понятия о спиритуальном вершении во Вселенной, которое находится во взаимосвязи с тем, что как сила правит в человеческой душе. Я не хочу говорить о чудесах в обычном смысле, о нарушении законов природы, но я не могу не сообщить вам, каким образом можно прочесть это солнечное затмение; невозможно поступить иначе, как предстать своей душой перед этим затмением, словно читая то, что выражает собой это событие природы: — с лунным знанием наступило затемнение по отношению к высшему солнечному возвещению.

А затем, после чтения этой оккультной записи, ясновидческому сознанию действительно предстает образ воздвигнутого на Голгофе креста и висящего на нем тела Иисуса между двух разбойников. И предстает — и я должен заметить в скобках: чем больше отстраняешь этот образ, тем сильнее он выступает, — предстает образ снятия со креста и погребение. Теперь выступает второй мощный знак, благодаря которому опять словно вписывается в Космос нечто, что опять-таки должно быть прочтено, чтобы стать постигнутым как символ того, что, собственно, произошло в эволюции человечества: следуешь за образом снятого со креста Иисуса, Иисуса, которого погребают и, направляя на это душевный взор, содрогаешься от колебания почвы, прошедшего по этой местности.

Со временем, быть может, связь того солнечного затмения с тем землетрясением поймут лучше и с естественнонаучной стороны, потому что уже и сегодня некоторые изыскания в этой области, которые хотя и бессвязно, появляются в мире, указывают на взаимоотношение, существующее между затмением Солнца и землетрясением и даже на его связь с рудничными газами. То землетрясение было следствием затмения Солнца. То землетрясение сотрясло могилу, в которую было положено мертвое тело Иисуса, был сорван и отброшен положенный на нее камень, разверзлась Земля, и мертвое тело было принято образовавшейся расселиной. Дальнейшим сотрясением щель над телом сомкнулась. И когда утром пришли люди, склеп был пуст, потому что Земля приняла тело Иисуса. Камень же еще лежал отброшенным.

Проследим еще раз этот ряд образов. На кресте Голгофы отходит Иисус. На Земле наступает мрак. В открытую могилу кладется мертвое тело Иисуса. Содроганием почвы тело Иисуса принимается Землей. Щель, возникшая от сотрясения, замыкается; камень отбрасывается в сторону. Всё это действительные события, и я не могу описать их иначе. Пусть люди, приближающиеся к этим вещам с точки зрения естественных наук, судят, как хотят, приводят против них всевозможные доводы: ясновидящий взор видит так, как я это описал. И если бы кто-нибудь сказал: подобного не может произойти, чтобы из Космоса, словно мощной речью знаков был

явлен символ того, что в эволюцию людей вступило нечто новое; если бы кто-нибудь сказал: то, что происходит, Божественные силы не выражают Земле подобной речью знаков, как затмение Солнца и землетрясение, то я мог бы только ответить: при всем уважении к вашей вере, что этого не может быть — это все же случилось, это произошло! Я могу себе представить, что, например, Эрнест Ренан, написавший своеобразную «Жизнь Иисуса», пришел бы и сказал: в такие вещи не верят, потому что верят лишь в то, что всегда можно восстановить экспериментально. Но мысль эта непроводима в жизнь; потому что, не будет ли тот же Ренан верить в ледниковый период Земли, хотя экспериментально его невозможно восстановить? Без сомнения, невозможно восстановить на Земле ледниковый период и всё же в него верят все естествоиспытатели. Так же невозможно, чтобы и этот, один раз свершившийся космический знак когда-нибудь вновь предстал перед людьми. И, тем не менее, он свершился.

Мы можем приблизиться к этим событиям, лишь проложив к ним ясновидчески путь, как я его набросал, когда сначала мы как бы углубляемся в душу Петра или одного из апостолов, почувствовавших себя на празднике Пятидесятницы оплодотворенными всевершающей Космической любовью. Окольным путем, только смотря в души этих людей и видя как переживали эти души, мы находим возможность созерцать поднятый на Голгофе крест, мрак, разлившийся в это время на Земле, и колебание почвы, которое последовало за этим. То, что с внешней точки зрения это затмение и это землетрясение были совсем обычными явлениями природы, — это совершенно не отрицается, но для прослеживающего эти события ясновидчески они читаются как вершащие знаки оккультного письма так, как я их описал. Это должно быть решительно высказано тем, кто создал в своей душе необходимые для этого предпосылки. Потому что действительно то, что я сейчас описал, в сознании Петра было чем-то, что выкристаллизовалось в состоянии длительного сна. В поле сознания Петра, которое пересекалось различными образами, подымались, например, картины поднятого на Голгофе креста, наступившего мрака и землетрясения. Для Петра они явились первыми плодами оплодотворения всевершающей любовью при событии Пятидесятницы. И теперь он знал нечто, чего раньше своим нормальным сознанием он действительно не знал: что событие Голгофы совершилось, и что тело, висевшее на кресте, было телом Того, с кем он часто странствовал в жизни. Теперь он знал, что Иисус умер на кресте, что эта смерть, собственно, была рождением: рождением того Духа, который как вершащая всюду Любовь излился в души апостолов, собравшихся на празднике Пятидесятницы. И как луч извечной, эонической любви ощущал он пробуждающийся в своей душе дух как то же самое, что родилось, когда Иисус отошел на Кресте. И беспредельная истина погрузилась в душу Петра: смерть на Кресте есть лишь иллюзия. В действительности же эта смерть, которой предшествовало бесконечное страдание, была рождением для всей Земли того, что лучом проникало теперь в его душу. Для Земли со смертью Иисуса родилось то, что прежде повсюду было разлито вне Земли: всевершающая Любовь, космическая Любовь.

Абстрактное высказывание этих слов не кажется трудным, но надо действительно перенестись на мгновение в душу Петра, в ее ощущение, в ее еще первичное ощущение того, что в мгновенье, когда Иисус из Назарета скончался на кресте Голгофы, для Земли родилось нечто, что раньше существовало только в Космосе! Смерть Иисуса из Назарета была рождением космической Любви в земной сфере.

Это как бы первое познание, которое мы можем вычитать из того, что мы называем Пятым Евангелием. То, что в Новом Завете называется сошествием, изливанием Духа, этим начинается то, что я теперь описал. Всей тогдашней душевной конфигурацией апостолы не были способны опережить это событие смерти Иисуса из Назарета иначе, как вне нормального сознания.

Еще и другое мгновенье своей жизни должен был вспомнить Петр — а также и Иоанн, и Иаков, — то мгновенье, которое лишь благодаря Пятому Евангелию может предстать перед нами во всем его величии. Тот, с которым они странствовали по Земле, возвел их на Елеонскую гору в Гефсиманский сад и сказал: «Бодрствуйте и молитесь!» Они же заснули. Уже тогда наступало то состояние, которое все больше и больше захватывало их души. Нормальное сознание засыпало и они погружались в сон, который длился в течение события Голгофы, и из которого лучилось то, что я пытался изложить робкими словами. Петр, Иоанн и Иаков должны были вспомнить, как они подпали этому состоянию, и теперь, когда они оглядывались на истекшее, перед ними брезжили великие события, разыгравшиеся в окружении земного тела Того, с кем они скитались по Земле. И постепенно, — подобно погруженным вглубь души сновидениям, всплывающим в сознании человека, в его душе, — в сознании и душах апостолов всплывали истекшие дни. Все, опережитое ими вне их нормального сознания в течение тех дней, всплывало теперь в их нормальном сознании. И то, что всплывало теперь оставалось погруженным в глубины собственной души всё время, от события Голгофы до события Пятидесятницы. Это время являлось им (они чувствовали это) как время глубочайшего сна. Особенно десять дней от так называемого Вознесения и до события Пятидесятницы являлось им как время глубочайшего сна.

Но в созерцании, обращенном назад, день за днем подымалось перед ними время от Мистерии Голгофы до так называемого Вознесения Христа Иисуса. Они это опережили, но теперь это восставало и восставало совершенно удивительным образом.

Простите, что я включаю сейчас личное примечание. Я должен сознаться, что сам я был безмерно удивлен, когда увидел как подымалось в душах апостолов то, что было ими пережито между Мистерией Голгофы и так называемым Вознесением. Совершенно поразительно подымалось, всплывало это в душах апостолов. В их душах, например, подымался образ за образом, и эти образы им говорили: «Да, ты ведь был при Том, кто умер или родился на кресте, ты встретил Его!» Как если бы,

проснувшись утром, человеку будто из сновидения пришло сознание: «Ты, ведь встретился ночью с тем или иным!» Но своеобразно было то, каким образом в душах апостолов подымались в сознание отдельные образы. Все вновь повторяли они себе: «Кто же Тот, с которым мы были здесь вместе?» И вновь и вновь они не узнавали его. Они знали: «Без сомнения мы ходили с ним», но они не узнавали его в облике, перед которым они предстояли тогда и который в образе им являлся теперь, когда в них всходили ростки оплодотворения всевершащей Любовью. Они видели себя странствующими после Мистерии Голгофы с тем, кого мы называем Христом. Они видели также, как он действительно дал им тогда учение о царстве Духа, как он их наставлял. Они учились понимать своё сорокадневное странствование с существом, родившимся на кресте, как это существо — из Космоса в Землю рожденная всюду вершащая Любовь — было их учителем, и как они были незрелы, чтобы понять своим нормальным сознанием то, что говорило это существо, как они должны были воспринять это подсознательными силами души, как они — подобно лунатикам — шли рядом с Христом, не будучи в состоянии воспринять обычным рассудком то, что давало им это существо. И они внимали ему в течение этих сорока дней в сознании, незнакомом им прежде, которое лишь теперь пробивалось в них, после того, как они пережили событие Пятидесятницы. Они внимали как лунатики. Он являлся им как духовный учитель и наставлял их тайнам, которые они могли понять лишь,

будучи погружены Им в совсем иное состояние сознания.

Так, только теперь видели они: они странствовали с Христом, с воскресшим Христом. Лишь теперь узнали они, что с ними произошло. Благодаря чему же узнали они, что это действительно был тот, с которым они скитались перед Мистерией Голгофы, когда он был в теле человека? Это происходило следующим образом.

Допустим, подобный образ выступал теперь, после Пятидесятницы, перед душой одного из апостолов. Он видел, как он странствовал с Воскресшим, но он его не узнавал. Хотя он и видел небесное, духовное существо, но он его не узнавал. Тогда к этому примешивался другой образ. К чисто духовному образу примешивался такой образ, который представлял собой переживание апостолов, через которое они действительно прошли с Христом Иисусом перед Мистерией Голгофы. Так, возникала вина, в которой они чувствовали себя как бы назидаемыми тайной Духа, Христом Иисусом. Они же не узнавали Его, они лишь видели себя противопоставленными этому духовному существу. Чтобы они смогли Его узнать, тот образ (не исчезая в то же время из вида) превращался в образ Тайной Вечери, которую они пережили с Христом Иисусом. Представьте себе действительно сверхчувственное переживание апостола с Воскресшим и, как бы проявляясь на заднем плане, — картина Тайной Вечери. Тогда они узнавали, что Тот, с которым они недавно странствовали телесно, и Этот в совсем ином облике, который он принял после Мистерии Голгофы и назиданиям которого они внимают теперь, — одно. Это было полное слияние воспоминаний из того состояния сознания, которое было подобно сну, с предшествовавшими образами воспоминания. Они переживали

это как две покрывающие одна другую картины: одна картина — из событий после Мистерии Голгофы и другая, как бы просвечивающая из времени до затемнения их сознания, что они не сопереживали более того, что там разыгрывалось. Так познавали они двойственность этих существ как одно: Воскресший и Тот, который странствовал с ними некогда, сравнительно недавно, еще телесно. И теперь они говорили себе: «до того как мы пробудились таким образом благодаря оплодотворению всевершащей Любовью, мы были словно изъяты из нашего привычного состояния сознания. Христос же, Воскресший пребывал с нами. Как бы несведущими принял он нас в свое царство, странствовал с нами и открывал нам тайны своего царства, которые теперь, после Мистерии Пятидесятницы, всплывают перед нами словно пережитые во сне».

Вызывает удивление это постоянное сочетание определенной картины из переживания апостолов с Христом после Мистерии Голгофы с определенной картиной до Мистерии Голгофы, которую они пережили с Христом Иисусом в их настоящем нормальном сознании в физическом теле.

Этим мы положили начало сообщениям, которые дано прочесть в так называемом Пятом Евангелии. И в конце: того первого сообщения, которое мне надлежало сегодня сделать, я хочу обратиться к вам с несколькими словами, которые попутно все же должны быть высказаны. В определенном отношении я чувствую себя оккультно обязанным говорить теперь об этих вещах. Ещё я хотел бы сказать следующее. Я очень хорошо знаю, что мы живем в такое время, когда многое подготавливается для ближайшего земного будущего человечества и что мы в нашем (теперь Антропософском) обществе должны чувствовать себя как бы теми, в ком пробуждается наитие, что в душах людей надлежит подготовить для будущего нечто, что должно быть подготовлено. Я знаю, придут времена, когда об этих вещах можно будет говорить совсем иначе, чем это позволяет нам наше сегодняшнее время. Потому что ведь все мы — дети времени. Но придет недалекое будущее, когда можно будет говорить много точнее, когда в духовной хронике становления, быть может, многое из того, что лишь как бы в намеке может быть познано сегодня, сможет стать познанным намного, намного точнее. Как бы это ни казалось невероятным современному человечеству, эти времена придут. И все же, как раз по этой причине находишься перед определенным обязательством уже сегодня — как бы подготавливая, — говорить об этих вещах. И если говорить как раз на эту тему, мне это даже стоило некоторого преодоления, то все же перевесило обязательство по отношению к тому, что должно подготавливаться в нашем времени. Это привело к тому, чтобы как раз здесь, у вас, в первый раз говорить на эту тему.

Если я говорю о преодолении, то поймите это слово действительно так, как оно высказано. Я настоятельно прошу отнестись к тому, что в данном случае мне надлежит сказать, как раз как к своего рода побуждению, как к чему-то, что в будущем без сомнения сможет быть высказано много лучше и точнее. И слово «преодоление» вы поймете лучше, если разрешите мне высказать одно личное

замечание. Мне совершенно ясно, что духовному исследованию, которому я себя посвятил, многое бывает сначала невероятно трудно и требует больших стараний для извлечения из духовной летописи мира как раз фактов подобного рода. И меня совсем не удивит, если слово «намеки», которое я применил, получит еще более глубокое и веское значение, чем то, в котором, может быть, оно нуждается теперь. Я совсем не хочу сказать, что я в состоянии уже сегодня точно изложить то, что открывается в духовных письменах. Потому что именно мне стоит больших трудов и стараний извлечь из хроники Акаша образы, относящиеся к христианству. Мне не так легко привести эти образы к нужному для этого уплотнению, удержать их; и в определенном отношении я рассматриваю это как свою карму, что на меня возложен долг говорить то, что я сейчас говорю. Мне было бы без сомнения гораздо легче, если бы я находился в положении многих наших современников и в ранней молодости получил бы действительно христианское воспитание. Я его не имел; я вырос в совершенно свободомыслящем окружении.

Также и мои занятия в ходе образования вели меня к свободомыслию. Путь моего образования был чисто научным. Поэтому определенного усилия стоит мне теперь вскрыть факты, о которых я обязан говорить.

Как раз это личное замечание я могу сделать, быть может, по двум причинам. Во-первых, именно потому, что по совершенно странному отсутствию совести в мир пущена нелепая, вздорная сказка о моем якобы отношении к определенным католическим течениям*. Во всех этих вещах нет ни одного слова истины. И до чего дошло то, что в наши дни часто называет себя теософией, это можно просто измерить по тому, что на почве теософии в мир пускаются такие, без всяких угрызений совести построенные слухи. Но так как мы принуждены не оставлять такие вещи без внимания, а противопоставлять им истину, поэтому и может быть сделано это личное замечание. Во-вторых, из-за моей отдаленности в юные годы от христианства, по отношению к нему я чувствую себя тем более непредвзятым и думаю, что я был подведен к христианству и к существу Христа только духовно. Как раз в этой области у меня, возможно, есть некоторое право на отсутствие предрассудков и на непредвзятость в изложении этих фактов. Быть может — именно в этот час мировой истории — придается больше веса слову человека, идущего из научной формации, который в молодости отстоял от христианства далеко, чем человека, который с ранних лет был связан с христианством. Я на самом деле не думаю, что христианство может что-то потерять, если в своих глубинных элементах оно будет представлено из сознания, что сначала к христианству был найден путь из самого Духа. Принимая эти слова, вы сможете почувствовать, что живет во мне самом, когда я теперь говорю о тайнах, которые хотел бы обозначить как тайны так называемого Пятого Евангелия.